

Виктор Ополев

РАЗРОЗНЕННЫЕ ЗАМЕТКИ О ПРИРОДЕ СМЕХА

– Давай поговорим о природе смеха.

– Я предпочитаю просто смеяться.

Из разговоров с самим собой

Пока один из собеседников бродит где-то в поисках смешного, поделюсь с вами своими соображениями о нем, принимая позицию первого из участников приведенного выше разговора. В чем неправ мой оппонент? Конечно, смеяться надо. Начнем с того, что смех – это почти всегда огромное и относительно безобидное удовольствие. Смех – элемент всякого праздника, а праздник в природе всего живого, тем более – человека. Удовольствий много, и почти все они особенно обильны в праздничные часы, дни, а для кого и годы. Текст, посвященный смеху, вряд ли стоит делать смешным, но известная изобретательность в области формы изложения при этом, пожалуй, не будет лишней. Текст о смехе нужно при этом составлять по правилам, присущим самому смеху. Смех позволяет себе то, что другим не можно: коверкать слова, останавливать или раскалывать сюжеты, перескакивать без всякой видимой логики с темы на тему, объединять несопоставимое и т. п. И чего только юмор себе не позволяет, лишь бы было смешно. Это и есть погоня за призраком смеха, но возможно, это даже не погоня и не охота, а своеобразная игра в прятки. Сущность смеха уловить невозможно, поскольку ее просто нет, но можно рассказать о своих впечатлениях от смеха, поделиться опытом переживаний и мыслями, которые этот опыт инициирует.

Если не все, то, по меньшей мере, подавляющее большинство феноменов культуры требует оправдания, им мало просто быть. Оправдание же – это поиск необходимости и опровержение случайности. Таковы – наука, техника, искусство, спорт и т. п. Даже образование, и то в рамках своего самосознания содержит высказывания, ставящие его под сомнение, вроде хорошо известного: «Не хочу учиться, хочу жениться». Необходимость такого оправдания – один из главных стимулов теоретического осмысления такого рода феноменов. Однако применительно к смеху и его «окружению» все это едва ли применимо. Необходимость смеха самоочевидна, и этой самоочевидности чуждо сомнение. В этой связи в известного рода оправдании (в поиске смысла того или иного занятия) здесь уже нуждается не смех сам по себе, а его осмысление или размышления о нем, имеющие целью построить теорию или по меньшей мере некое ее подобие. Ведь не собираемся же мы на самом деле построить компьютерную программу, производящую шутки или хотя бы помогающую их найти. Как нам всем представляется, а не только в данном случае мне одному, это было бы оскорблением смеха и вместе с тем

слишком дерзкий и абсурдный проект (затея), в какой-то степени самоубийственный даже. Хотя есть подозрение, что дело именно к этому и идет. Страсть к познанию бывает жестокой и безрассудной, хотя само познание – пример гармонии, систематичности, умеренности и красоты. Можно, конечно, в этой связи говорить и о том, что не должно быть запретных тем для познания. Но в данном случае острый скальпель познания рискует превратиться в жало. Короче говоря, апеллировать к демократическим, либеральным целям, требовать свободы познания и т. п. – все это не лишено оснований, но мне все же кажется, что главным здесь должно быть – возможность после захваченности смехом продолжить свое общение с ним. Размышлять о смехе не значит отвергать или тем более унижать его.

Существует род юмора, доступный только людям с живым и сильным воображением. В этом случае нужно не только услышать, но и представить. Если просто показывать на что-то пальцем и при этом заразительно смеяться, то другие также станут подхохотывать. Смех не просто заразителен, но, как следует из этой идиомы, он и есть зараза. Однако если просто показывать на что-то пальцем, без сопровождения смехом, то подобного эффекта не будет. Это говорит о том, что образы фантазии, вызывающие смех, не всегда передаваемы словами, в известных случаях то, что вызывает смех, можно сделать достоянием других только посредством самого смеха.

Смех вызывает неосуществившаяся надежда. Но только такая надежда, от которой мы, как неожиданно выяснилось, можем легко отказаться. Именно это выступает основой для финалов многих сочиненных или показанных историй, романтических приключений, в которых компания друзей добивается богатства, переживает эмоциональный триумф, побеждает, но при этом добытое богатство вдруг исчезает, и героям в итоге достается только ощущение победы, освобождения от обязательств и т. п., но не материальное вознаграждение.

Гипертрофированное отклонение от нормы в одних случаях вызывает ужас или какую-то другую, как правило, остро негативную реакцию, в других – смех. Смех инициирует парадоксальное сопоставление, сочетание несовместимого, возникающее неожиданно, но не представляющее собой опасности. Чаще всего требуемая здесь безопасность достигается за счет того, что то, к чему обращено юмористическое высказывание или, скажем, изображение, имеет как можно меньшее отношение к тому, кто его воспринимает. Иначе говоря, выдерживается определенная дистанция (безопасное расстояние) между тем, к чему апеллирует шутка и тем субъектом, к которому она обращена. Рискну привести в этой связи пример собственного сочинения:

Покойник встал и отправился на кухню.

Если же в подобной ситуации присутствует серьезная угроза, то возникает ужас или, по меньшей мере, тревога или страх. Представим себе эпизод из фильма, в котором присутствуют ребенок и крокодил. Создается монтаж, по логике которого крокодил движется в сторону ребенка. Это создает напряжение, а затем по мере развития событий и пугает. Но крокодил в итоге проползает мимо, и это вызывает улыбку. Ожидание не сбылось, причем парадоксальным образом, и мы смеемся над собой, осознав в себе присутствие стереотипа – если сначала в кадре ребенок, а затем крокодил, то в кино должно быть страшно. Логика действия должна быть такой: либо крокодил съест ребенка (в кино такого никогда не бывает, но мы все-таки такую опасность ощущаем, чего и добиваются создатели фильма), либо его кто-то спасет, избавит от явной угрозы. Обычно в таких эпизодах крокодилу везет меньше всех.

Можно привести и чисто литературные примеры, в которых комический эффект возникает за счет того, что сначала целенаправленно формируется известного рода ожидание, как правило, средствами своеобразного «показа» или наведения, провоцирования, без прямого словесного указания на него, которое затем не сбывается. Улыбка читателя в этом случае оказывается как бы признанием собственной ошибки и вызывается вместе с тем удивлением по ее поводу: думал, что будет одно, а оказалось совсем другое, но ведь, как выяснилось, никто и не заставлял так думать. Здесь налицо схема розыгрыша, иначе говоря, обмана, не причиняющего вреда.

*Когда медведь пошел на Федю,
то Федя двинул на медведя,
сердца их сильно разожглись,
пожали лапы, разошлись.*

Или:

*Появился докладчик. Взбодрил себя призывом. Потрогал галстук.
Наполнил стакан водой. Прищурился в сторону зала. Поправил очки.
Шмыгнул носом. Почесался... Ушел с трибуны.*

У нас есть внутреннее интуитивное ощущение меры – нормы – того, как должно быть. С ним мы вольно или невольно соотносим всякое наше восприятие и понимание. Когда нечто сильно превосходит эту меру, в нас возникает реакция удивления. А если это неопасно, то далее смех. Удивление – фон смеха. Но фон этот не единственный, как мы увидим дальше. Мера и норма привычнее там, где они контролируют несерьезное, то, от чего мы в принципе можем отказаться, пережить эту потерю без особого труда, и если они при этом преодолеваются или даже отвергаются в воображении (то есть опять-таки неопасным, не влекущим серьезных последствий образом), вызывает реакцию беззаботного удивления и смеха. Смех, теперь уже можно сказать, это беззаботное удивление – удивление без примесей

каких-либо забот. Смех вызывает также простой намек, косвенное указание на нарушение нормы, общепринятых правил. Здесь показательно также то, что мы чаще всего смеемся воображаемому положению дел, а не действительному. В воображении нам намного легче (и безопаснее) создавать любые парадоксы, сопоставлять что угодно с чем угодно: низкое и высокое, красивое и уродливое, хорошее и плохое, ожидаемое и неожиданное и т. п. Такого рода неожиданные превращения можно было бы назвать оборачиваниями.

Продолжая тему сопоставления смеха и удивления, можно сказать, что сравнительно небольшое отступление от привычного и нормального вызывает скорее удивление, чрезмерное отступление – смех. Чрезмерность при этом доходит до парадоксальности, до переворачивания. Чрезмерность (преувеличение, преуменьшение, профанация и т. п.), как известно, одна из категорий, определяющих смеховое сознание. Но эта чрезмерность достигается чаще всего за счет игры, то есть игрового (условного, невсамделишного, воображаемого и неопасного, несерьезного) отношения ко всему происходящему. Чрезмерность всерьез вызывает уже, как говорилось выше, ужас в одних случаях и, добавим, восхищение – в других. Смех, будучи всегда по форме связан с чрезмерным, сам вызывает другую чрезмерность – чрезмерность как отношение к происходящему. Эти чрезмерности разные. В случае смеха это увеличительное стекло или даже подозрительная труба в одних случаях и микроскоп – в других, направленные на то, что и так вроде бы неплохо видно, но видно как-то не так. Смех все это увидит по-своему. Из прыщика он сделает язву, из морщинки – горное ущелье или наоборот (если подозрительная труба или микроскоп переворачиваются) из ущелья – морщинку. Иначе говоря, чрезмерность для смеха – это форма, смех все преобразует согласно ей. Вполне возможно, что отнесение чрезмерности к форме и переводит смеховое отношение в план игры. Игра как имитация реальных отношений и есть работа с формой. Содержание в ней номинально, оно, как правило, представлено выигрышем или проигрышем. В смехе же нет проигравших, и этим он отличается от многих игр, если не считать при этом игры в театре или на музыкальном инструменте. В играх допускается и, более того, предполагается обман. Отсюда розыгрыши – это комический обман. Обман ради него самого, а не выгоды, нанесения ущерба или спасения. Война также предполагает обман, и этим она сходна с игрой. Но обман здесь средство, а не цель. Уже поэтому война не вызывает смех, она совершается ради победы, определенного результата, выходящего за рамки самого действия. Результат в войне всегда очень серьезен. Смех же, по-видимому, всегда находится вблизи формы. Он только ее преобразует по-своему: существенное он переводит в незначительное, серьезное и важное – во второстепенное и даже более того. Но смех никогда не предлагает решений

даже тогда, когда он якобы, в качестве игры предлагает их, он только меняет эмоциональное отношение к происходящему.

Смех вызывает обманутое ожидание, не причинившее, однако, особого вреда тому, кто смеется. Это событие также не оскорбительно для субъекта, не сковывает его личной заинтересованностью, не тягостно, не вызывает обиды и т. д. Иначе говоря, здесь присутствуют в качестве предпосылок и условий многие признаки свободы. Отсюда, по всей вероятности, происходит и то чувство освобождения, которое обычно связывают со смехом. Смех сам по себе не освобождает, однако ситуации, вызывающие смех, сродни по своим предпосылкам ситуации освобождения и чувству свободы. Когда человек смеется, свобода присутствует не непосредственно, не на ней сосредоточено внимание. Она присутствует на втором плане, как фон, а не в фокусе внимания, не в качестве того, что принято в философии называть предметностью. В подобном положении присутствия условий свободы есть свои преимущества. В такой совокупности обстоятельств человек еще более свободен на практике, чем когда он переживает саму свободу и осознает ее наличие. Человек, как правило, ценит свободу, и, осознавая ее присутствие, он стремится ее сохранить, не потерять. Вместе с тем, то, что ценно, влечет за собой беспокойство и страх, то есть возникает своеобразное эхо несвободы, озабоченности и зависимости. Когда же это чувство, ощущение свободы, присутствует только на втором плане, скажем так, ощущается, но не осознается в полной мере, то свобода оказывается ближе к подсознательному, оно охватывает все структуры субъективности.

Иной вид смеха – смех, который подрывает общепринятые или даже индивидуальные ценности (где верят в бога, как удачно сформулировал один известный поэт, там и богохульствуют), лишний раз подтверждает сказанное. Смеясь над чем-то для себя важным, человек освобождается, хотя бы на время, от вполне определенной зависимости. Смех – это единственное состояние, в котором человек получает свободу, не думая о ней. Пока он смеется, он свободен, и при этом он не обременен своей свободой, не сосредоточен на заботе о ней. И в этом смысле он подлинно, то есть максимально, свободен. Пример: самоирония вовсе не означает, что человек себя не ценит, не бережет себя и т. д. В чем же заключается это освобождение? Освобождение от тягостного беспокойства, постоянной озабоченности, страха потерять или испортить, не успеть, связанной со всем этим привязанности и скованности. Ложась спать, говорите себе, что ваше имущество, ваше здоровье, ваши близкие в абсолютной безопасности, с ними все в колоссальном порядке, и вы будете лучше спать. И это даст вам силы с утра до вечера следующего дня контролировать свои беспокойства, когда снова включится столь необходимое для дневной жизни чувство и понимание реального порядка вещей, где никогда не бывает

абсолютной надежности и достаточно многое зависит от нашей сосредоточенности. Состояние беззаботности, или свободы, не возникает вследствие смеха, оно неотделимо от самой этой эмоции. Смех есть вид эмоциональной реакции. Если бы не было ощущения беззаботности, не было бы и смеха. У человека есть замечательное качество – забывать на время, терять из виду, и это выступает психологической основой смеха как явления. Другое такого же рода качество – заразительность: эмоции передаются от одного сознания к другому. А вместе с эмоцией возникает, пусть и иллюзорно, ощущение свободы, радость, вызываемая ее присутствием.

Так, в условиях нравственного выбора человек также, как хорошо известно, должен быть свободен. Иначе говоря, он в этом случае действует по собственной воле, а не в силу каких-либо обстоятельств или сильной заинтересованности. Но в этом решении человек опирается на разум. Он мыслит и строит свой поступок осознанно, преодолевая иногда даже свои естественные склонности и напрягая волю. Чтобы поступить нравственно, необходимо, по меньшей мере в большинстве случаев, приложить усилие. В смехе, наоборот, всякие усилия исключаются. Реакцию смеха вызывает ситуация, когда человеку необходимо было прилагать усилия, он готовился к ним, то есть в его воображении они были, и он готовился к работе, и вдруг оказалось, что они не нужны, все намного проще.

В своей связанности со свободой смех, несомненно, сродни эстетическому созерцанию. Он собственно, по всей видимости, и может быть отнесен к эстетическому созерцанию в качестве одной из его разновидностей. Смех связан с определенного рода совершенством, гармонией, соотношением пропорций и т. п., то есть с красотой. Если бы не было такого рода идеалов в структурах субъективности, человек не смеялся бы в полном значении этого слова, иначе говоря, если исключить из его состава выражение радости от хорошей еды, сна, одержанной победы. Смеха от хорошего расположения духа, от ощущения силы и здоровья. Когда человек видит гармонию или эстетическое совершенство в явно нарушенном виде, он смеется. В этом нарушении виден умысел. Если нарушение явно, значит оно умышленно. Здесь проглядывает вполне определенный способ говорить о гармонии. Почему? Нарушение напоминает здесь о гармонии. Смех, таким образом, зависит от эстетических представлений, происходит, можно сказать, в их присутствии, отталкивается от них. Приводит реакцию смеха в действие чувство гармонии, порядка, совершенства и т. п. Смех это их отрицательное «определение», определение через отрицание. Слово «определение» мы здесь берем в кавычки, потому что это определение своеобразное, оно не логическое, а образное, точнее, наглядное. Человек оказывается перед умышленным нарушением гармонии или каких-то еще само собой

разумеющихся идеалов совершенства. Все это означает нацеленность на ее поиск, на восстановление. Тот, кто это делает, вполне вероятно и не знает, что в данном случае должно быть правильным, соответствующим гармонии. Однако, указывая, изображая явно неправильное, он поднимает соответствующую проблему и вовлекает этим способом себя и других в деятельность, связанную с ее решением. Смех, таким образом, предполагает, помимо прочего, и участие человека, пусть всего лишь и на ментальном уровне, в некотором действии, причем в действии, как правило, совместном. Смех, можно сказать, по своей природе дело коллективное, смеющиеся всегда сообщники по отношению к предмету смеха, если смех этот, конечно, искренний. Если этот смех не ширма, скрывающая иное, серьезное на деле, отношение к происходящему.

Трудно выдержать появление истины и не убежать от нее. Истина безжалостна и бескомпромиссна. Ложь же, напротив, жалостлива и уступчива, всегда готова услужить. Истина могла бы раздражать своей ригидностью, если бы мы в момент ее появления могли бы что-нибудь соображать. Истина тем сильна, что с ней невозможно спорить, возражать ей бессмысленно – это неприступная крепость. И несмотря на то, что каждый из нас в глубине души понимает, что окончательной истины не может быть – за любой из них приходит следующая и так без конца, мы тем не менее постоянно с той или иной степенью интенсивности ждем и страшимся ее появления. Мало, кто замечает, что говорить всерьез тяжело физически.

Смех – сродни истине. Он также приходит, накатывает, подчиняет себе (попробуйте не засмейтесь), но мы, как нам кажется, его не боимся, более того, с радостью встречаемся с ним, если, конечно, смеяться будут не над нами, и мы в этом уверены. Эстрадные и телевизионные юмористы гарантируют нам это. Смех есть выражение торжества жизни по поводу победы разума над агрессивной брэнностью бытия. В этом торжестве присутствуют восхищение собой и отблеск вечности. Брэнность и преходящесть бытия обнаруживают себя в сознании в виде страха и тревоги. Смех избавляет от них, пусть и на время. Захваченность смехом сродни погружению в теплую ванну. Приятная слабость и сладость разливаются в теле, а затем и в душе. Смех уже хорош тем, что он приятен. Дарите удовольствие друг другу – давайте посмеяться над собой.

Смех это не гримаса, сопровождаемая характерными звуками, напоминающими рыдания, это ни на что другое не похожее состояние души. Душа поражается смехом. В отличие от распространенного мнения о том, что сначала возникает шутка, а затем рождается смех, чаще всего, а может и всегда, все как раз наоборот. Шутка, острота и т. п. – не причина смеха, а его проявление. Смех бродит по миру, подобно вирусам распространенных заболеваний, но с другими последствиями. Забравшись

в душу, он согревает и разгоняет ее, дает ей разгон и заставляет вырываться, а можно сказать и выбрасываться, наружу.

Смех не приучен к труду, это бездельник, болтающийся туда и сюда по своей прихоти. Юмор – это сумбур мгновений, внутри себя имеющих четкую организацию, но не связанных с другими. Смех пришел и ушел, накатил и уехал. Смех – это минутное опьянение, опьянение смехом. Вонзил остроту и пошел дальше, жить по-трезвому. На смешное нельзя охотиться, его можно только бесконечно преследовать, или, как говорят охотники, гонять. Разомнемся наперегонки со смехом. Вот он – смех – был и спрятался, затем опять откуда-то выскочил совсем не там, где его ждали. Если это, конечно, не ежегодный фестиваль в Юрмале. Смех интересен тем, что ему никогда нет дела до того, что было раньше, как и до того, что будет. Он всегда целиком, весь с головой, существует в «сейчас», в это мгновение. И в этом он выступает для всех нас учителем. В любви и смехе мгновения замирают, останавливаются. В смехе и любви человек забывает о времени. А это, по-видимому, единственная возможность победы над временем. А это и есть вечность – замершее мгновение.

В заключение приведу несколько коротких замечаний, касающихся различных сторон смеха и его «окружения».

О смехе можно писать, что угодно, ему это не повредит.

Смех можно рассматривать как удивление нелепости, чрезмерной несоразмерности и т. п.

Смех самодостаточен и не требует оправданий.

Смех – это единственная субстанция, не оставляющая видимых следов, не разрушающая то, чего она касается, и сохраняющаяся только в памяти о ней.

Смех всегда прав, однако эта правота известна, как правило, только ему самому.

Единственная неопасная эпидемия – это эпидемия смеха.

Смех – танец души. В смехе душа сотрясает тело.

Смех защищает себя сам.

Смех всегда сам по себе и ни к кому и ни к чему не относится с почтением. Исключением в некотором смысле тут могут быть только сами юмористы.

Смех определенного рода выражает превосходство и победу, пусть и мнимую, над объектом осмеяния.

Притворный смех – попытка «надавить» на оппонента.

Смех – большой грешник. Ему это прекрасно известно, но публично он в этом никогда не признается.

Смех хотя и небольшой, но все же грех. Возможно, он тем в первую очередь и ценен, что предохраняет от значительно больших грехов.

Смех гуманизмом не отличается.

Бред сродни смеху – он также решителен.
Смех – двоюродный брат издевательствам и унижению.
На юмор надейся, но будь начеку.
Во что бы смех ни рядился, ему очень редко удается остаться неузнанным.
Вечные темы господина Юмора: горох или фасоль, супружеские измены, старость, из которой «сыпется песок» и пр.
Если что-то смешно, то этому уже больше ничего не требуется.
Одно из немногих, на что государства не выделяют денег, так это на поддержку смеха. Но могут в то же время выделять определенные средства на борьбу с ним.
Смех раскрепощает, а это не всегда безопасно.
Далеко не все, что вызывает смех, имеет какое-то отношение к юмору.
Сколько раз ни произноси со сцены слово «задница», это всегда будет вызывать смех в зале, поскольку определенное число присутствующих в нем ничего другого по большому счету и не интересуется. Другая же часть зала может при этом смеяться из солидарности.
Посмеялся, остановись и посмотри, многого ли ты достиг этим смехом.
Человечество потому и выжило, что любопытно и смешливо, и этот инстинкт необходимо постоянно оттачивать.